

Маргарита Петровна Шибаева(Сосина):

Хорошо помню этот день - 22 июня 1941 года: с утра теплый и солнечный. Мы, детишки со всей нашей улицы в 14 домов - так называемая «Зарека», как всегда, играли, веселились, бегали. И вдруг увидели в небе белые купола парашютов, спускающихся где-то между городом Тейково и нашим селом Першино. Парашютистов было много, и иногда парашют не раскрывался – тогда камнем падал вниз тот, кому не повезло. Я побежала домой поделиться такой новостью. Папа, Петр Сергеевич Сосин, был на работе на Тейковском хлопчатобумажном комбинате в отделочной фабрике. Он работал с красками для тканей. Мама, Анна Константиновна, должна была идти на ХБК в другую смену. Она работала браковщицей тканей в «отделке» комбината.

Мама стояла у репродуктора и плакала. Я впервые увидела ее плачущей и даже оторопела: что же такое случилось? И услышала это страшное слово – война! А войну мы, дети, видели только в кино. И никогда даже не думали, что нам придется ее пережить. Всю радость от теплого солнечного дня, от зрелища самолетов с парашютистами как рукой сняло. Мама объяснила, что война – это страшная беда, страдания и горе, которое мы еще не знали. Сначала ушли воевать с фашистами младшие братья отца – Иван и Аркадий, их сестра Ася, младший брат мамы Николай... А за ними – наш с Валькой, моим братом, отец Петр. Наши московские родственники сообщили, что уже на фронте дядя Саша – капитан-танкист, парторг штаба управления танкового корпуса, и дядя Федя Морозов, педагог по профессии.

Нашу Антонину Сергеевну Фураеву, учительницу начальных классов, комсомолку, тоже мобилизовали на фронт, всю войну была зенитчицей. Учитель и на войне остается учителем. После летних каникул, обнаружив в моем к ней письме ошибку, она тут же написала, *что* следует повторить. После войны Антонина Сергеевна стала студенткой института инженеров связи, окончила его и осталась работать в Москве.

Тейковская земля, как я потом узнала, была во время войны прифронтовой зоной. Тут проходили переформирования частей уже с осени 1941 года. В лесах недалеко от села долго сохранялись открытые окопы. В домах жителей села Першина постоянно размещались на кратковременный отдых солдаты. Дадут им возможность поспать в тепле 5-6 часов и поднимут, отправляя снова в лес, в окопы. На их место приходили другие из леса. Каждый день заселяли столько, сколько разместится на полу твоего дома. Это было время 1941-1942 годов. Зимы были тогда морозные,

температура воздуха доходила до минус 40 градусов. Красноармейцам в окопах приходилось туго, особенно тем, кто был призван из среднеазиатских республик. Помню, тогда яблони у нас вымерзли от такой стужи.

1 октября 1942 года всех школьников из Першина направили учиться в школу № 5, а в нашей, 1-й, разместился госпиталь. Мы учились на первом этаже, а на втором этаже жили девушки-зенитчицы: аэродром был рядом. Я с зенитчицами подружилась. Они видели во мне своих младших сестренок. Я даже дважды была у них в землянках за городом, а они, когда давали увольнение, приходили в гости в наш дом в Першино.

Каждый год для отопления школы зимой мы должны были летом напилить два куба дров на ученика. В назначенный день собирались у школы и большой группой детей с пилами шли в лес во главе с директором. Лес для рубки и пилки на отопление школы выделялся далеко от города. Хорошо, что мне помогал брат Валентин, хотя был на два года младше... В школе было холодно. Часто на уроках сидели в пальто. Тетрадей и учебников не хватало, писали на чем придется: на газетах, обоях, другой бумаге, оставшейся от мирной жизни. Чернила в чернильницах-непроливашках часто замерзали. Одежда и обувь не соответствовала погоде. Ноги постоянно мерзли. Но самое трудное для нас, детей, в войну было недоедание. Нередко думалось, когда шла длинной дорогой в школу: «Неужели придет такое время, что досыта буду есть черный хлеб?» До войны такой проблемы мы не знали. Я тогда не то, что черный хлеб - никакие сдобные булочки, пирожки, ватрушки не особенно любила, и охотно делилась с подругами на улице всеми этими вкусностями.

После окончания учебного года, сдачи всех экзаменов нас ждал другой вид работы. Все, с кем до войны мы играли, бегали, резвились, теперь шли на свой «фронт»: сначала на прополку овощей, а потом на сенокос. Косили луга кто постарше, мы скошенную траву сушили, разбивали валки, ворошили, к вечеру сгребали в копнушки. А с утра, как солнце подсушит росу на земле, надо было их растряссти на лугу, перешевелить, к вечеру опять сгрести. Оно уже было сухое и готово к уборке в стога. Это делали старшие ребята под руководством опытных стариков.

После сенокоса наступал срок копать картошку. Копали картошку долго, не один месяц. Часто бороздки картофеля были кое-как распаханы, и чтобы чисто выбрать, мы помогали себе лопатами. В войну мы повзрослели как-то сразу, понимали, что надо трудиться, не помню, чтобы кто-то бездельничал.

В военные годы наши матери всегда приходили друг другу на помощь. Это помогало как-то выживать. И уже тогда личный пример матери был для

многих из нас, детей войны, был самый убедительный. Мы собирали для раненых грибы. Первые овощи обязательно приносили в госпиталь. Посылки на фронт собирали. Просили учителей посадить на участке у школы картошку, потом выкопать ее и сдать на госпитальную кухню. И никто не отказывал.

...Не успели мы дождаться победного мая, как в Першино появились фронтовики. Большинство с орденами и медалями на постаревших от войны гимнастёрках. Их часть дошла до Венгрии - и мы их слушали рассказы, как там народ живет. «Венгерцев» поселили в Першине в основном в свободных от жителей домах и еще в каких-то колхозных помещениях. День Победы мы встретили вместе с ними, они салют устроили, стреляли в небо из своих автоматов. Осенью 1945 года мы вернулись в свою школу № 1 города Тейкова. Хотя война закончилась, жизнь в разоренной фашистами стране наладилась не сразу, поначалу было очень трудно и голодно...